

Той кот, чьи глаза цвета янтаря непрерывно бегали из стороны в сторону, оглядывая присутствующих, выглядел послушным и ласковым, но время от времени в его горле слышался низкий, жалобный вой.

— Это мой Сонцзы, он очень понятливый, — Императрица с улыбкой погладила кота по спине и обратилась к остальным: — Обычно он очень тихий, но сегодня, увидев столько народу, тоже захотел выйти погулять.

Наложница Ци, которая всегда любила кошек и собак, услышав это, с готовностью протянула руку:

— Ваше Величество, какой же у вас красивый кот! Белоснежная шерсть, просто загляденье.

В тот самый миг, когда пальцы наложницы Ци были готовы коснуться Сонцзы, сидевшая неподалеку Чжэнь Хуань вдруг подняла руку и, прикрывшись расшитым платком, тихонько кашлянула. В легком взмахе её запястья платок, уже пропитанный приманкой для кошек, подхваченный ветром, отправил облачко ароматического порошка прямо на подол платья и руки Пин Цзи.

Движение было настолько быстрым и изящным, что выглядело простым жестом при кашле — даже сидевшая рядом Шэнь Мэйчжуан ничего не заметила.

Стоило порошку попасть в нос, как Сонцзы мгновенно выгнул спину. Из его горла вырвался яростный вой, янтарные глаза расширились, он издал пронзительный вопль, глядя на Пин Цзи, и, оттолкнувшись, как сумасшедший, бросился прямо на её живот!

— А-а-а!

Пин Цзи в ужасе вскрикнула и повалилась назад, а её служанки даже не успели среагировать.

В момент, когда кот долетел до Пин Цзи, Чжэнь Хуань испуганно вскочила, якобы пытаясь защитить женщину и оттолкнуть животное, но на деле лишь слегка подтолкнула Сонцзы локтем, заставив того со всей силы врезаться в живот наложницы.

Когти кота впились в руки Пин Цзи, а его тело с глухим стуком ударилось о её низ живота. Пин Цзи рухнула на спину, ударившись затылком о каменные ступени, и тут же скорчилась от боли. Лицо её стало белым как бумага, она прижала руки к животу и застонала:

— Живот... мой живот так болит...

Ярко-алая кровь тут же проступила под подолом её юбки, окрашивая серый камень пола, и этот вид больно резал глаза.

Во дворе воцарился хаос. Наложницы с криками разбежались в разные стороны, служанки Пин Цзи истошно звали: — Скорее зовите лекаря!

В этой суматохе обезумевший Сонцзы, приземлившись, развернулся и бросился на ближайшую к нему Чжэнь Хуань. Его когти оставили три глубокие кровавые полосы на её лице, после чего он, пошатываясь, отступил назад, и его тут же подхватила Цзинь Си.

— Госпожа! — вскрикнула Цзинь Си, с ужасом глядя на кровь, струящуюся по лицу Чжэнь Хуань от виска до подбородка.

Чжэнь Хуань глухо охнула от боли, судорожно прикрывая руками живот, лицо её стало мертвенно-бледным.

Неизвестно, сколько времени прошло.

— Император прибыл!

После этого возгласа Юнчжэн быстрыми шагами вошел в зал. Следом за ним, с лицами мрачнее тучи, семенили Су Пэйшэн и группа евнухов. Он как раз разбирал донесения во Дворце Янсинь, когда до него дошла весть о происшествии в павильоне Мудань: наложницу атаковал кот, есть угроза выкидыша. Он бросился сюда без промедления.

Войдя в зал, он увидел пятна крови на полу, свернувшуюся от боли на кровати Пин Цзи и Чжэнь Хуань с окровавленным лицом, которую поддерживали под руки. Лицо Юнчжэна стало ещё темнее.

— Император! — при виде его Пин Цзи разрыдалась, протягивая к нему руки. — Император! Наш ребенок... спасите нашего ребенка...

Юнчжэн подошел к ней и, опустившись на корточки, взглянул на кровь, продолжающую сочиться из-под её платья. Сердце его ушло в пятки, и он рывкнул:

— Где лекарь?! Неужели все в Императорской больнице передохли?!

Лекарь Ван, уже спешивший сюда с чемоданчиком, поспешно опустился перед Пин Цзи на колени. Он нащупал пульс, и через мгновение его лицо побелело. Он склонился в поклоне, упираясь лбом в пол:

— Император... Пин Цзи... У наложницы Пин Цзи плод не удержать, я... я бессилен...

Услышав это, Пин Цзи потемнела в глазах и тут же потеряла сознание. Лекари бросились готовить отвар, чтобы остановить кровотечение и предотвратить худшее. Остальных

присутствующих вывели в соседний павильон.

Сердце Юнчжэна пылало гневом. Он поднялся и окинул зал тяжелым, как клинок, взглядом, который в конце концов остановился на Императрице:

— Императрица! Что здесь произошло?! Это был твой банкет, как могло случиться, что кот обезумел и напал на людей?!

Императрица рухнула на колени, полная ужаса и раскаяния:

— Император, я виновата! Я и сама не знаю, почему Сонцзы внезапно обезумел и ранил сестру Пин Цзи и сестру Вань. Это моя вина, не стоило мне приводить кота! Прошу, накажите меня!

Сказав это, она гневно обернулась к Цзянь Цю:

— Это ты! Как ты ухаживала за котом?! Почему он сорвался с цепи?! А служанки, приставленные к нему, чем они вообще занимались?!

Цзянь Цю поспешно опустилась на колени, рыдая и признавая вину. Императрица тут же свалила всю ответственность на служанок, приказав немедленно выпороть их до смерти.

Но Юнчжэна это не удовлетворило. Глядя на кровь на полу и думая о потерянном нерожденном ребенке, он чувствовал, как внутри закипает ярость. Он не верил, что это простая случайность.

— Случайность?! — глухо произнес он. — Банкет, на котором произошла такая трагедия с наследником, ты хочешь списать на случайность?! Су Пэйшэн!

— Слуга здесь! — Су Пэйшэн повалился на колени.

— Передай мой указ! Всех слуг и евнухов из Дворца Цзинжэнь — в Палату строгого надзора, допросить с пристрастием! И всех, кто был сегодня здесь, тоже не выпускать! Я сегодня выясню правду, чего бы мне это ни стоило!

Юнчжэн был в таком бешенстве, что ему было плевать на достоинство владычицы гарема — он был намерен докопаться до истины.

Императрица, стоя на коленях, побледнела. Она не ожидала, что Юнчжэн придет в такую ярость и решит перетряхнуть весь Дворец Цзинжэнь. Если дойдет до настоящего расследования, её тайные дела неизбежно вскроются!

В этот момент, когда напряжение достигло предела, из-за дверей послышался спокойный женский голос:

— Император, ты ведешь себя слишком опрометчиво.

Все обернулись: Вдовствующая императрица в повседневном платье серо-голубого цвета с узором долголетия, опираясь на руку Чжу Си, медленно входила в зал. За ней следовали матроны и евнухи, её поступь была уверенной и несла в себе невысказанный авторитет.

Вдовствующая императрица уже получила известие о случившемся и понимала, что Юнчжэн придет в ярость. Она поспешила сюда, во-первых, чтобы защитить свою племянницу Уланару И Сю, а во-вторых — чтобы скрыть позор гарема и сохранить достоинство императорской семьи.

— Сын приветствует матушку, — Юнчжэн, увидев её, подавил гнев и поклонился.

Императрица же, словно ухватившись за спасательный круг, запричитала:

— Матушка! Я виновата! Я не уследила за слугами, и случилась такая беда, умоляю, простите меня!

Вдовствующая императрица даже не взглянула на неё, а подошла к Пин Цзи, посмотрела на её бледное лицо и следы крови, вздохнула и приказала матронам:

— Толку от неё уже нет, отнесите Пин Цзи во Дворец Яньси, как следует присматривайте за ней. Пусть Императорская больница даст лучшие лекарства, никакой небрежности быть не должно.

Матроны поклонились и осторожно вынесли бесчувственную Пин Цзи.

Затем Вдовствующая императрица подошла к Чжэнь Хуань, нахмурилась, глядя на её окровавленное лицо, и мягко произнесла:

— Бедное дитя, натерпелась ты страху. Ты в положении, а тут такой стресс. Ступай в Беседку Осколков Нефрита, пусть лекари присмотрят за тобой, главное, чтобы наследник в утробе не пострадал.

Чжэнь Хуань присела в реверансе и тихо ответила:

— Благодарю за милость, матушка. Мне лучше, лишь жаль ребенка сестры Пин Цзи... — у неё на глаза навернулись слезы, она выглядела такой доброй и сострадательной.

Вдовствующая императрица похлопала её по руке, больше ничего не сказала и повернулась к Юнчжэну, приказав всем остальным удалиться. В зале остались только И Сю, Юнчжэн и сама Вдовствующая императрица.

Глядя на его всё ещё мрачное лицо, Вдовствующая императрица медленно заговорила:

— Император, я знаю, как тебе больно из-за потери внука, и понимаю твой гнев. Но сор из избы выносить не стоит. Если ты поднимешь такой шум, отправишь всех слуг Дворца Цзинжэнь в застенки, хочешь, чтобы чиновники при дворе смеялись над императорской семьей? Чтобы весь мир судачил, что в твоём гареме нет порядка?

Юнчжэн нахмурился:

— Матушка, смерть наследника — это не пустяк. Если не выяснить правду, разве гарем не погрузится в хаос?

Вдовствующая императрица бросила на него взгляд и сменила тон, пытаясь повернуть разговор в другое русло:

— Кот обезумел, напал на людей, ребенок погиб — это и так уже трагедия. Слуг, которые плохо смотрели за котом, уже наказали. Императрица, как владычица гарема, плохо следила за порядком, конечно, её стоит наказать. Но если ты будешь упрямо стоять на своем, об этом узнают все. Только подумай, что люди будут думать об Императрице? Ты ударишь по собственному лицу, по лицу рода Айсингёро.

Она помолчала, окинула взглядом стоящую на коленях Императрицу и добавила с ноткой непреклонности, которую трудно было заметить:

— К тому же, И Сю — законная Императрица, родная сестра Чуньюань. Перед смертью Чуньюань больше всего беспокоилась именно о своей сестре, неужели ты забыл о своем обещании? Даже если у неё есть недостатки, она — Императрица, мать подданных. Если ты бросишь всех её людей в застенки, если опозоришь её, как на это посмотрят члены императорского рода?

Услышав это, Юнчжэн изменился в лице.

Слова Вдовствующей императрицы ударили по самому больному: достоинство семьи и его привязанность к покойной Императрице Чуньюань. Гнев в его глазах постепенно угас, сменившись бессилием и раздражением. Он понимал: матушка права. Если начать дознание, тайны матери подданных станут достоянием общественности, и это даст пищу для сплетен.

Юнчжэн тяжело вздохнул и отказался от идеи полноценного расследования. Он холодно посмотрел на коленопреклоненную Императрицу:

— Императрица, как мать подданных, не смогла уследить за порядком, что привело к гибели наследника и тяжелым травмам наложниц — прощения нет! С сегодняшнего дня лишить её жалованья на два года и заставить переписать Наставления женщинам сто раз!

— Я... благодарю Императора за милость, благодарю матушку за заботу, — Императрица склонилась в поклоне. Камень с её души упал. Она знала: пока за неё заступается Вдовствующая императрица, её положение на троне незыблемо.

Увидев, что Юнчжэн смягчился, Вдовствующая императрица похлопала его по руке:

— Вот это и есть мудрость великого правителя. Ну, здесь слишком много беспорядка, я утомилась и вернусь во Дворец Шоукан. Император, не гневайся здесь, побереги здоровье.

Сказав это, она в сопровождении Чжу Си медленно вышла из павильона Мудань.

Как только она ушла, у Юнчжэна не осталось желания здесь задерживаться. Он быстро вышел из Дворца Цзинжэнь, даже не взглянув на Императрицу.

Смертельная ловушка, спланированная столь тщательно, в конечном итоге закрылась беззвучно — благодаря появлению Вдовствующей императрицы.

После выкидыша Пин Цзи, хоть Юнчжэн и распорядился устроить её во Дворце Яньси, в значительной степени потеряла расположение государя. Она целыми днями проливала слезы и пребывала в глубокой печали.

Прошел ещё месяц.

Беременность Ань Линжун приближалась к седьмому месяцу, живот стал совсем тяжелым.

Во Дворце Чанчунь наложница Ци сидела перед зеркалом, разглядывая успехи Третьего принца в учебе, и её брови сходились на переносице.

Хунши не отличался особыми талантами: ни в чтении, ни в стрельбе из лука, ни в верховой езде он не был лучшим. Юнчжэн в последнее время даже звать его стал редко.

Она всю жизнь берегла этого единственного сына, все её надежды были связаны только с ним. Но сейчас, глядя на то, как ребенок в утробе Ань Линжун растет день ото дня, а её влияние при дворе крепнет, наложница Ци чувствовала, как с каждым днем нарастает паника.

— Госпожа, не печальтесь, Третий принц уже очень старается, — тихо утешала её личная служанка Цуй Го.

— Какой толк от того, что он старается? — наложница Ци с раздражением швырнула тетрадь с заданиями на стол. — Император сейчас видит только того ребенка, что ещё не родился, в утробе Ань Линжун!

Пока она пребывала в тревоге, снаружи доложили, что пришла Цзянь Цю из Дворца Цзинжэнь.

Наложница Ци замерла, но тут же велела пригласить её. Цзянь Цю — доверенное лицо Императрицы, и если она пришла лично, значит, случилось нечто важное.

Цзянь Цю вошла, по всем правилам поклонилась и, отослав служанок, тихо сказала:

— Наложница Ци, Императрица просила передать вам слова.

— Что велела Императрица? — наложница Ци подалась вперед.

Цзянь Цю вздохнула, её тон был полон участия:

— Императрица сказала, что сейчас она сама в немилости и не может защитить Третьего принца. Ань Линжун теперь пользуется такой невероятной благосклонностью, к тому же ждет сына. Когда ребенок появится на свет, благодаря привязанности Императора, что станет с Третьим принцем? Вы — его родная мать, только вы можете по-настоящему позаботиться о его будущем.

Эти слова стали словно искра, подорвавшая тревогу и страх наложницы Ци. Она была слабой и трусливой, но единственным, что имело для неё значение, был сын Хунши. Ради него она была готова на всё.

— Но... но что я могу сделать? — наложница Ци в панике схватила Цзянь Цю за руку. — Ань Линжун теперь окружена стражей и служанками, лекарь Ван каждый день проверяет её еду, я просто не могу к ней подступить!

Цзянь Цю легонько похлопала её по руке, намекая:

— Не торопитесь, госпожа, выход всегда найдется. Вопрос лишь в том, осмелитесь ли вы. Императрица обещала: что бы ни случилось, она сделает всё возможное, чтобы защитить Третьего принца.

Сказав это, она поклонилась и ушла, оставив наложницу Ци в полной растерянности.

На следующий день, когда Чжэнь Хуань возвращалась от Вдовствующей императрицы в Беседку Осколков Нефрита, путь ей преградила Цзянь Цю.

— Госпожа Вань, Императрица просит вас уделить ей минуту, — Цзянь Цю низко поклонилась, её голос был едва слышен.

В глазах Чжэнь Хуань мелькнул холод, но она всё же последовала за ней в уединенное место за искусственной горкой. Цзянь Цю сразу перешла к делу:

— Госпожа, Императрица велела передать вам: пора сделать то, что вы должны.

— Что именно Императрица хочет от меня? — пальцы Чжэнь Хуань, сжимавшие платок, побелели.

— Наложница Ци хочет избавиться от ребенка Ань Линжун, но не знает как, — прошептала Цзянь Цю. — Сходите во Дворец Чанчунь и невзначай намекните ей, что листья и сок олеандра крайне опасны для плода — беременной достаточно лишь прикоснуться к ним, и случится беда.

Императрица сказала: если вы сделаете это, она поможет вам с делами семьи Чжэнь при дворе. А если провалитесь — о будущем семьи Чжэнь вам придется задуматься самой.

Лицо Чжэнь Хуань мгновенно помрачнело.

Её использовали как нож: мало того, что она должна была руками наложницы Ци убрать ребенка Ань Линжун, так ещё и сама оказывалась повязана в этом деле — если всё вскроется, ей не уйти от ответственности.

Но выбора у неё не было. С того момента, как она впервые помогла Императрице, пути назад не осталось. Ребенок в её утробе тоже нуждался в защите Императрицы, чтобы не повторить судьбу Пин Цзи.

Более того, Ань Линжун теперь обладала властью в гареме, а её влияние было куда сильнее, чем у Чжэнь Хуань, они давно стали заклятыми врагами. Избавиться от такой угрозы руками глупой наложницы Ци было для неё совсем не плохо.

— Я поняла, — Чжэнь Хуань закрыла глаза, а когда открыла их, в них снова была холодная решимость.

Тем же вечером Чжэнь Хуань под предлогом визита отправилась во Дворец Чанчунь.

Наложница Ци, увидев её, поначалу насторожилась, но Чжэнь Хуань заговорила о будущем Третьего принца, и разговор сам собой зашел об олеандрах в Императорском саду.

— Наложница Ци, вы не представляете, как красиво цветут олеандры в саду, — с улыбкой

сказала она. — Жаль только, что хоть они и красивы, но их сок и пыльца ядовиты, особенно для беременных — стоит лишь коснуться, как можно потерять дитя. Все старые слуги в гареме знают об этом запрете.

Глаза наложницы Ци загорелись, словно она ухватила за спасательный круг, она поспешила уточнить:

— Сестра Вань, вы правду говорите? Этот олеандр действительно может навредить плоду?

— Разве я стану шутить? — Чжэнь Хуань притворно охнула, прикрыв рот рукой, будто проговорила, и поспешно добавила: — Вы только не используйте его, это очень опасно. Я просто к слову вспомнила, не берите в голову.

Чжэнь Хуань посидела ещё немного и откланялась. Когда они вышли из Дворца Чанчунь, Цзинь Си прошептала:

— Госпожа, нам правда стоит в это ввязываться? Если всё вскрыется, это будет против вас.

Чжэнь Хуань посмотрела в сторону Дворца Яньси, в её глазах мелькнуло нечто сложное, и она тихо ответила:

— Я просто упомянула о запрете, я же не учила её, что делать. А то, что она решит предпринять — какое отношение имеет ко мне?

Во Дворце Чанчунь наложница Ци сразу после ухода Чжэнь Хуань взялась за дело.

Она велела Цуй Го собрать самые свежие листья олеандра, выжать сок и подмешать его в свежие пирожные с каштанами. Эти пирожные были сладкими, мягкими и нежными — такие очень любили наложницы, да и Ань Линжун была равнодушна к сладостям.

Глядя на поднос с аппетитными пирожными, наложница Ци дрожала от страха и волнения. Но стоило ей вспомнить о будущем Третьего принца, как она сжала зубы и, взяв Цуй Го, лично отправилась во Дворец Яньси.

Ань Линжун в это время просматривала счета, присланные из палат гарема.

Наложница Ци вошла в зал, посмотрела на округлившийся живот Ань Линжуна и протянула коробку с угощением:

— Сестра Вэнь, тяжело вам с ребенком. У меня во дворце как раз приготовили каштановые пирожные, сладкие и нежные, аппетитные. Вот, решила принести вам попробовать.

Цин Лань поспешила принять коробку и только собралась открыть её, как Ань Линжун жестом остановила её.

У Ань Линжуна был самый острый нюх, и она сразу уловила в сладости пирожных едва заметный, горьковатый запах олеандра.

Она холодно усмехнулась про себя, но внешне осталась спокойной, лишь с притворным недоумением посмотрела на наложницу Ци:

— Благодарю вас за заботу, сестра. Только лекарь Ван строго-настрого наказал мне: любую еду, присланную извне, нужно сначала проверять, прежде чем принимать. Вы ведь не будете возражать?

Наложница Ци почувствовала, как сердце ушло в пятки, лицо её мгновенно побелело. Она постаралась сохранить спокойствие:

— Разумеется. Вы носите наследника, осторожность должна быть превыше всего.

Ань Линжун тут же громко приказала:

— Позовите лекаря Вана, скажите, что у меня срочное дело!

Стражники у дверей немедленно ответили и бросились в Императорскую больницу. Наложница Ци сидела на стуле, её пальцы вцепились в платок, она вся дрожала. Ей хотелось найти предлог и убежать, но Ань Линжун постоянно поддерживала с ней беседу, не давая шанса улизнуть.

Через короткое время лекарь Ван с чемоданчиком поспешно вошел в зал.

Ань Линжун указала на пирожные в коробке и мягко произнесла:

— Лекарь Ван, прошу, проверьте, нет ли в этих пирожных чего-то недоброго.

Лекарь Ван поклонился и тут же достал серебряную иглу. Как только он вставил её в пирожное, кончик иглы мгновенно почернел. Он взял кусочек теста, растер его для проверки, и через мгновение его лицо страшно перекошилось. Он рухнул на колени, воскликнув:

— Госпожа! В этих пирожных огромное количество сока олеандра! Это смертельный яд! Беременной женщине достаточно лишь прикоснуться, чтобы потерять ребенка, а в тяжелых случаях — это смерть обоих! К ним нельзя даже прикасаться!

Эти слова прозвучали в зале как гром среди ясного неба.

Наложница Ци с грохотом повалилась на пол, лицо её стало белым как бумага, она начала бессвязно оправдываться:

— Это не я! Я не знала! Как там мог оказаться олеандр?! Это не я положила! Сестра Вэнь, поверь мне!

— Сестра Ци, эти пирожные приготовили вы, лично принесли их ко мне во дворец. Если не вы, то кто же? — голос Ань Линжун стал холодным. Она, опираясь на руку Цин Лань, медленно поднялась, в её голосе слышались страх и горечь. — У нас с вами никогда не было вражды, почему же вы решили так жестоко поступить со мной и с наследником в моем чреве?

<http://bllate.org/book/21976/2283854>